

Владимир ПЕРЕВОДЧИКОВ

АКВАРЕЛЬ

Костя Зубов – он тут рядом живёт. Мальчик в синей шапочке. Видите, за молоком ходил. Поставил бидон на лавку. Сел рядом.

Солнышко, хорошо было, весной пахло. Домой идти не хотелось.

Шла женщина, тянула за руку малыша. А тот дёргал её во все стороны: «Баба, баба, а когда выспимся, папа придёт?»

С торца новенького дома, в лоджии первого этажа, зарешеченной железными прутьями, недвижно стояла старушка и смотрела, как показались Косте, в никуда.

– Ой, – удивился Костя, – зачем это бабушку в клетку посадили?

Женщина, утирая платочком нос малышу, оглянулась.

– О господи! – только и вымолвила. Поднялась и повела внука дальше.

Тут Костя увидел в окне этого нового дома странную девочку, которую видел каждое утро. Иногда никого в окнах не видно, одна эта девочка во всём огромном доме. И улыбалась Косте, и махала рукой. Бледная девочка, худенькая, он никогда её не видел на улице.

Виталик, его ровесник (только Костя в третьем «Б», а Виталик в третьем «А» учится), говорил, что в их подъезде живёт девочка, у которой болят ноги. И её иногда взрослые выносят во двор и куда-то на машине лечить возят. Виталикова мама говорила, что девочка семья жила возле какого-то чудного завода, там многие дети болеют.

«Наверно, ей скучно, – думал Костя, – ничего интересного. Улица-то ведь тоже новая, и по ней машины и то редко проезжают». Хотя из его окна вид ещё скучнее: за их домом пустырь. А сопки, с которых ныряют дельтапланы, и хоккейная коробка – это совсем с другой стороны.

Вчера он глянул из окна и увидел неопысваемое зрелище: за домом снег тает вовсю, а кто-то высыпал медный купорос, и в талом снегу образовалась большая голубовато-зелёная лужа, а по ней собака прошла. Грустная такая собака.

...Девочка плющила нос о стекло и смотрела на Костю. Подошла женщина, наверно, её мама, накинула шаль и приоткрыла окно.

– Ты откуда? – крикнула девочка слабым голосом.

– Ходил по молоку.

– А у нас папа ходит за молоком... Я видела, как мальчишки твою шапку на дерево закинули... А ты чего вчера в школу опоздал?.. А рисовать умеешь?

– Стенгазету рисую.

Девочка помолчала, подпёрла кулачками худенькие щёчки. Сморщив нос, пристально посмотрела вверх.

– А что-нибудь большо-о-ое нарисовать можешь? – Голос девочки завибрировал, она смеялась, но смех не летел, а словно падал под окна.

Ветерок скинул с неё, смеющейся, шаль. Тут появилась женщина и окно закрыла.

Сложив воронкой ладошки, Костя крикнул:

– За нашим домом голубая лужа!

Поняла или нет девочка, но кивнула...

Вскоре девочка мама вышла из дома в резиновых сапожках, побежала на автобусную остановку. «На работу», – подумал Костя и вспомнил, что и его маме пора.

Назавтра вечером Костина мама обнаружила на полотенцах, раковине, эмалированном ведре и даже на Костиных руках всех цветов пятна, за что он получил крепкую трёпку. Потом хватились чернил: все шесть флаконов, что прислали из Москвы, исчезли, как и анилиновые красители, что были в ванной.

– И всё-таки куда ты их девал, Константин? – допытывался папа.

– Я их в снег... вылил...

– За-аче-е-ем? – не то пропел, не то проплакал папа.

– Просто...

– Завтра из дома не выйдешь, – сказала мама.

Папа сердито ушёл в свою комнату, где он обычно работает. А непонятное Косте слово «штукарь», брошенное папой в сердцах, похожее на штукатурку, словно осыпалось с потолка на Костины уши, за шиворот.

Когда оно отшуршало, Костя сказал:

– Знаешь, мама, та девочка... Ну та, которая не выходит, так обрадовалась...

– Чему радоваться-то? Мой руки и ложись спать.

Утром Костя с мамой были возле дома той девочки. «Взрослый бы не додумался», – опешила Костина мама. Вид распахнувшейся картины ожарил ей душу, а в лицо пахнул запахами оживающей земли ветер. Она стояла на причудливом пятнистом, зелёно-голубом лепестке громадного цветка, в середине которого солнечно

150

горел круг. Во все стороны от этого цветка полыхали другие цветы, поменьше. По правую руку до торчащих из почвы каких-то бетонных пней – пронзительно-голубое море. На волнах его покачивались какие-то две птицы. Чайки?

Мать молчала и отчего-то медленно качала головой. Из-за угла вывернулась вчерашняя грустная собака и побрела по морю, что-то вынюхивая и чему-то удивляясь. Посмотрела на Костю. Улыбнулась ему. Наверное, она что-то понимала. «А люди, – грустно подумал Костя, – ничего не видят и не понимают: им некогда». Некогда даже возмутиться и ругнуть его, «безобразника». Только бросят взгляд на его акварель, на мгновение вздёрнутся их брови, и бегут-торопятся дальше, на остановку.

Взгляд Кости побежал вверх по стене дома. В клетке лоджии стояла старушка и смотрела печально в никуда. Окно на четвёртом этаже было раскрыто, и в нём – девочка.

– Вот она, – тихо сказал Костя своей матери.

– А я уже знаю, как тебя зовут! – изо всех своих слабых силёнок крикнула девочка. – А нарисовал ты, Костя, так красиво – умереть можно!.. Меня Олей зовут. И я тоже тебе нарисую.

И показала белый листок.

г. Кемерово

Владимир НЕУНЫВАХИН

СТРАСТЬ К РЫБАЛКЕ

Родители Артёмки – медики, и большинство игрушек в его арсенале – бывший медицинский инструментарий: старый фонендоскоп, тонометр, термометр и так далее. Однако Артёмка в медицинские игры почти не играет, а соответствующий инструментарий в большинстве своём использует в других целях.

Однажды бабушка, увидев внучонка сидящим на стульчике с задумчивым взглядом, устремлённым вдаль, с фонендоскопом в руках, участливо спросила:

– О чём задумался, доктор?

– Я не доктор. Я рыбалю, – сердито отмахнулся внук.

– Но фонендоскоп-то к рыбалке не приспособлен. Им человека слушают.

– Ну ладно, пусть я доктор. Что вас беспокоит, бабуля?

– Да вот горло болит. Вы можете какое-нибудь лекарство мне прописать?

– Не могу.

– Почему?

– Так я же на рыбалке...

РЫБАЛКА С БАЛКОНА

Сажу на балконе, читаю книгу.

Вдруг вижу: спускается сверху толстая нитка, на самом конце её – толстый крючок, сделанный из медной проволоки. Импровизированная удочка висит на уровне моих глаз. Тихо поднимаюсь с кресла, выглядываю и, задрвав голову, вижу: между железных прутьев ограждения балкона над моей головой торчат детские ножки в носочках в цветную полоску и конец корявой палки, к концу которой и привязана нитка.

«Ага, всё ясно, – думаю я. – Это юный рыбак закинул удочку и ждёт поклёвку».

На цыпочках бегу на кухню, хватаю полиэтиленовый пакетик, бросаю в него несколько шоколадных конфет и пару пряников. Аккуратно цепляю пакетик на крючок и тихо отпускаю. Удочка сразу же под тяжестью мешочка опускается на несколько сантиметров вниз. И тут же, дёрнувшись, ползёт вверх.

А через минуту слышится ликующий крик мальчугана:

– Деда! Хватит спать! Гляди, я конфеты с пряниками поймал. Такая поклёвка была! Думал, сорвётся...

ФАРАОНЫ И МУМИИ

Нашей Анечке пять лет. А вопросы она задаёт – диву дашься! И откуда она их выискивает? Иной раз даже в ступор вводит.

Однажды приходит ко мне на кухню и спрашивает:

– Мам, а что такое мумия?

– Э-э-э... – начинаю объяснять. – Понимаешь, был когда-то Египет, жили там фараоны. А когда они умирали, из них делали мумии...

– А как их делали и зачем?

– Ой, Анечка, некогда мне. Да и не могу я тебе так доходчиво объяснить, как наш папа. Иди к нему, он тебе всё расскажет.

А сама смеюсь про себя: хана папе, ни в жизнь ему не ответить на такой вопрос. И слышу дочкин разговор с отцом:

– Пап, что такое мумия?

– Мужик сушёный, – невозмутимо отвечает тот.

– А-а-а, понятно. А то мама каких-то фараонов приплела...

СКУЧНО ЖИТЬ БЕЗ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Сколько себя помню, с детства я была страшно любопытной и всё хотела испытать на себе. Ну и, естественно, частенько попадала в такие ситуации, которые были не только смешными, но иногда и опасными для здоровья и даже для жизни.

Когда было три года, я, прослышав, что, если заглянуть в колодец днём, можно увидеть на дне звёзды, отражающиеся с неба, долго вглядывалась, перевесившись через верхний венец колодца, пока не бултыхнулась вниз. Хорошо, в последний момент моё падение увидела бабушка. Прибежал отец и кто-то ещё из взрослых, и меня благополучно вытащили из колодезной пучины.

Потом я испытывала зонт, как парашют, прыгнув с чердака сеновала, и в результате вывихнула ногу. Вскоре в том же колодце утопила папин топор, проверив на деле, как он умеет плавать: слышала от кого-то жалобы, что плавает как топор...

Став чуть взрослее, я изготовила костюм водяного на бал-маскарад, использовав новые шторы с окон и папину рыболовную сеть, изрезав её на куски... Сканда-а-ал был, ужас!

В третьем классе до безумия влюбилась в песни Муслима Магомаева и очень захотелось быть похожей на него. Грим плохо помогал: нос был не тот, тонкий. Тогда я попробовала засунуть в ноздри вишнёвые косточки, а вытащить их обратно не смогла. Вытаскивая их, папа грозил-

ся отрезать мне нос, но потом сжалился, видя мои слёзы, не отрезал.

Однажды пошли мы с ним на рыбалку. Он принялся забрасывать снасти, а мне вдруг очень захотелось стать солдатом. Нужна была каска. И я решила использовать вместо неё ведёрко, что папа взял под живцов. Напялила ведёрко на голову, а дужку завела за подбородок, как ремешок у взаимправдашнего солдата в окопе. Ведёрко село плотно, закрыв всё лицо, и стало давить на уши. Я видела только свои ноги. Довольная своей выдумкой, я позвала отца.

– Пап, смотри, – голос был глухой, похожий на эхо, – у меня каска, как у солдата.

Папа некоторое время молчал, а потом сказал плохое слово, означающее, что рыбалке пришёл конец. И стал стаскивать с моей головы ведёрко. Но ничего не получалось. Чтобы освободить подбородок от дужки, нужно было осадить ведёрко вниз, но осадить не давал мой затылок, упершийся в дно. Давящая боль на уши усилилась. Я принялась потихоньку верещать.

Папа метался в поисках решения, грозясь оторвать мою голову вместе с ведёрком, потому что от такой дурной головы всё равно толку мало...

Мою голову, папину рыбалку и вообще честь нашей доблестной армии, солдата которой я пыталась изобразить, напялив на голову ведро, спас соседний рыбак. В его рюкзаке оказались плоскогубцы. Вдвоём они разогнули крепление дужки и стянули наконец-то злополучную «каска». И я принялась растирать свои распухшие уши...

